

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

Т. Н. Голубева

СОЧИНЕНИЕ ЭМИРА
АБДУРРАХМАНА *ПАНДНАМА-ЙИ ДУНЬА ВА ДИН*
И ЕГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Один из наиболее интересных периодов новой истории Афганистана, важный для последующего развития страны, — 60—70-е годы XIX в. Это время острой борьбы за власть между наследниками Дост Мухаммад-хана, период правления эмира Шер Али-хана и его попыток проведения преобразований в стране, борьбы афганского народа с английскими оккупантами и, наконец, возвращения в Афганистан и водворения на афганском престоле эмира Абдурахман-хана.

Среди источников этого периода заслуживает внимания автобиография Абдурахман-хана под названием *Панднама-йи дунья ва дин*. Однако, насколько нам известно, ее подлинный текст не подвергался специальному подробному исследованию, хотя и послужил источником и основой для ряда более известных востоковедам сочинений, таких, как официальная афганская история *Сирадж ат-таварих* (т. 2) и английский перевод автобиографии под названием «The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan» (т. 1). Недостаточная изученность *Панднама* связана, по-видимому, с тем, что издание этой книги на языке оригинала (дарí) является библиографической редкостью, оно сохранилось лишь в нескольких экземплярах в руках частных лиц в Афганистане и Пакистане. Насколько нам известно, в фондах библиотек книга *Панднама-йи дунья ва дин* отсутствует. В настоящей статье использована машинописная копия литографического издания этой книги, присланная из Афганистана.

Сочинение Абдурахман-хана *Панднама-йи дунья ва дин*¹ является его автобиографией. Абдурахман приступил к изданию книги в месяце рамазане 1303 г. х. [21, с. 141] (что соответствует 3 июня—3 июля 1886 г. н. э.), т. е. на шестом году своего правления. Книга печаталась в кабульской типографии Дар ас-салтанат литографским способом на больших листах форматом 30×42 см. Литография была выполнена красивым насталиком² [21, с. 141].

¹ «Книга наставлений в мирской и духовной жизни».

² Существует предположение, что почерк литографического издания *Панднама* принадлежал Шер Мухаммаду, одному из авторов «*تقويم الدين*», изданного в Кабуле в 1306/1888-89 г. [21, с. 141].

Оглавление в начале сочинения свидетельствует о том, что автор замышлял создать большое произведение, которое должно было состоять из 16 глав под следующими названиями: глава 1 — «О событиях жизни»; глава 2 — «Советы и наставления»; глава 3 — «Экономическая политика»; глава 4 — «Как распознать друга и врага»; глава 5 — «Как обращаться с другом и как обращаться с врагом»; глава 6 — «Об устройстве армии и ее уставах»; глава 7 — «Об обращении с подданными и избавлении притесняемого от тирана»; глава 8 — «О законах царского двора и о правосудии»; глава 9 — «О защите дела священного шариата»; глава 10 — «О единстве мусульман — поклонников киблы»; глава 11 — «Знакомство с далекими соседями»; глава 12 — «О готовности к священной войне за веру»; глава 13 — «О том, как [необходимо] знать, что враг — обманщик и предатель»; глава 14 — «О верности долгу и избежании лжи»; глава 15 — «О поощрении талантливых людей во всех подвластных областях»; глава 16 — «О защите и охране путей сообщения».

Главы перечислены на титульном листе сочинения, а на страницах 1—2 названия некоторых из них раскрываются более подробно.

Абдуррахману не удалось сколько-нибудь полно осуществить свой план: из 16 задуманных глав свет увидели только две. Первая — «О событиях жизни» — была издана на языке дари, и за ней закрепилось общее название сочинения; вторая — «Советы и наставления» — была выпущена отдельной брошюрой на языке пашто. Объем литографического издания *Панднама* составил 140 страниц [21, с. 141]. Рукопись эмира, с которой сделана литография, обнаружена сравнительно недавно и в настоящее время хранится в рукописном отделе Кабульской Публичной библиотеки [16, с. 217]. Она не датирована [16, с. 217]. Ее объем — 246 страниц форматом 20×31,5 см [21, с. 142]. В рукописи в отличие от английского перевода отсутствует внутреннее деление на главы или разделы. Повествование начинается со времени приезда Абдуррахмана в Балх в 1853 г. и завершается написанием ответного письма англичанам во время остановки Абдуррахмана в Кундузе весной 1880 г., т. е. охватывает двадцатисемилетний период жизни автора.

Рукопись, с которой сделана литография, не была единственным автографом автобиографии Абдуррахмана. Вернувшись в 1897 г. на родину англичанка Лилиас Гамильтон, проработавшая несколько лет врачом при дворе афганского эмира, привезла с собой другую рукопись Абдуррахман-хана (а вместе с ней и ее будущего переводчика Султан Мухаммад-хана) [13, с. 116], которая представляла собой более поздний список по сравнению с *Панднама-йи дунья ва дин*. Эта поздняя рукопись имела деление на главы и была дополнена. Она заканчивалась описанием восстания в Хазараджате в 1892 г., о чем свидетельствуют содержание первого тома английского перевода [17] и предисловие его издателя Джона Муррея [17, т. 1, с. V]. Султан Мухаммад-хан в предисловии к английскому изданию сообщал, что он намеревается поместить оригинал сочинения Абдуррахмана в Восточный читальный зал Британского музея [17, т. 1, с. VIII].

Однако там рукопись не обнаружена [21, с. 142—143]. Существует предположение, что в настоящее время она находится в частной коллекции пакистанского поэта Файз Мухаммада — сына Султан Мухаммад-хана [16, с. 220].

Автобиография не является единственным сочинением Абдуррахман-хана. Еще находясь в изгнании, он по просьбе русских властей написал историю Афганистана, которая хранится в русских архивах и опубликована в английском переводе. Кроме того, афганский историк доктор Джавид в перечне изданий времени правления Абдуррахман-хана (1880—1901) упоминает помимо *Панднама* еще две его работы [21, с. 154]. Более полный перечень работ Абдуррахмана приводит афганский историк Мухаммад Хасан Какар [21, с. 154].

В книге английского автора С. Уилера об Абдуррахман-хане [18] в качестве приложения 1 приводятся в английском переводе выдержки из сочинения, написанного Абдуррахманом по просьбе русского правительства во время изгнания. В своем сочинении Абдуррахман рассказывает об истории Афганистана последних лет перед его бегством в Россию. Перевод сочинения на русский язык хранится в настоящее время в архивах. В книге С. Уилера помещен почти весь текст английского перевода с русского, выполненного полковником Гованом. Для нас эта работа представляет особый интерес, поскольку персидский и русский варианты остаются недоступными, а также потому, что она является предшественницей *Панднама*. Уилер называет ее «Автобиографией» и склонен считать частью автобиографии или ее ранним вариантом [18, с. 235], хотя первое, по-видимому, ошибочно. Абдуррахман начинает повествование со смерти эмира Дост Мухаммад-хана. Далее он подробно рассказывает о борьбе за престол с Шер Али, о своем бегстве в Иран, затем в Среднюю Азию и завершает рассказ повествованием о своем прибытии в Карши и намерении ехать в Самарканд.

В 1900 г. в Лондоне вышла двухтомная книга под названием «The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan», редактором которой был Султан Мухаммад-хан, учившийся в Кембриджском университете и получивший ученую степень бакалавра юриспруденции (государственный секретарь Афганистана, как значилось на титульном листе книги).

В предисловии издателя книги Джона Муррея говорится, что первые 11 глав есть не что иное, как перевод Султан Мухаммад-ханом рукописи эмира, а остальная часть книги составлена редактором по его записям, сделанным в разное время «со слов эмира». Это же подтверждает и сам Султан Мухаммад в своем предисловии. Хотя эта часть сочинения, по словам редактора и издателя, является переводом с автографа эмира, в ней обнаружен целый ряд несоответствий с *Панднама*, искажений имен собственных и пропусков в тексте. Поэтому для исследования и оценки автобиографии Абдуррахман-хана недостаточно пользоваться лишь английским переводом, необходимо обращение к оригинальному тексту *Панднама*.

Русский перевод с английского осуществлен в Петербурге в 1901 г. полковником Генерального штаба М. Грулевым и имеет название

«Автобиография Абдуррахман-хана эмира Афганистана». Поскольку это перевод с перевода оригинала, то он, естественно, содержит еще большее число погрешностей и требует еще более осторожного обращения. Издание снабжено подробным предисловием русского переводчика, в котором высказывается мнение о подлинности обоих томов «The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan» [2, с. I—XXXIX], и этим обосновывается правомерность изменения названия в русском переводе.

Следует отметить, что существует ряд других переводов автобиографии Абдуррахмана. Они были выполнены из-за недоступности оригинала с английского варианта.

Среди источниковедческих работ советских авторов следует выделить рецензию А. А. Семенова, посвященную изучению и характеристике двух первых томов официальной афганской истории *Сирадж ат-таварих* [14]. В ней рецензент указывает на использование автобиографии Абдуррахмана в качестве одного из источников второго тома *Сирадж ат-таварих* и впервые отмечает, что в *Сирадж ат-таварих* есть сведения по истории Средней Азии, которые отсутствуют в русских источниках и в обратном переводе автобиографии. Кроме того, рецензент обращает внимание читателей на тот факт, что некоторые материалы, вошедшие в *Сирадж ат-таварих* из автобиографии, не были включены в обратный перевод сочинения Абдуррахман-хана, выполненный с английского перевода и имеющий название *Тадж ат-таварих*.

В дальнейшем изучением *Сирадж ат-таварих* занимался В. А. Ромдин, которому принадлежит ряд статей, посвященных различным вопросам исследования этого сочинения и «Автобиографии» Абдуррахмана [10; 11; 12; 13].

При сопоставлении текста сочинения Абдуррахмана и его английского перевода обнаруживается ряд различий между ними. Прежде всего обращает на себя внимание различная форма изложения материала: в *Панднама* это непрерывное повествование, в котором почти не нарушается хронологическая последовательность. Исключение составляет описание событий в Ургуте, происходивших во время русско-турской войны 1877—1878 гг., которое в *Панднама* предшествует рассказу о восстании в Коканде в 1871—1875 гг. В английском переводе имеется деление материала на главы со следующими названиями: глава 1 — «Юные годы»; глава 2 — «Бегство из Балха в Бухару»; глава 3 — «Борьба с Шер Али»; глава 4 — «Борьба с Шер Али (продолжение). Эмир Азим»; глава 5 — «В Самарканде»; глава 6 — «В Бадахшане». Внутри каждой главы имеются более мелкие подзаголовки. Хронологические рамки сочинений также различны. Начинаются оба изложением событий 1268/1853 г. Однако в *Панднама* повествование обрывается на событиях весны 1880 г., а в английском переводе оно продолжено до 1892 г.³ и разделено на следующие главы: глава 7 — «Мое восшествие на престол»; глава 8 — «Управление»; глава 9 — «Присоединение Герата»; глава 10 — «По-

³ Имеется в виду перевод собственно сочинения Абдуррахмана.

ложение страны во время моего вступления на престол»; глава 11 — «Войны во время моего царствования».

Сличение содержания показало, что описания юношеских лет эмира и его участия в междоусобной борьбе за власть, разгоревшейся после смерти Дост Мухаммад-хана, приблизительно идентичны. Однако в разделе, посвященном времени пребывания Абдулрахмана в русских пределах, в английском переводе отсутствует целый ряд фрагментов, которые имеются в *Панднама*. Эти эпизоды заслуживают внимания как с точки зрения событий, которым они посвящены, так и с точки зрения авторского отношения к этим событиям. Кроме того, в разделе, посвященном описанию пребывания Абдулрахмана в русских владениях, в английском переводе имеет место ряд искажений и отдельных ошибок, которые иногда трудно объяснить. Так, Абдулрахман рассказывает, как ему довелось участвовать в «великом русском празднике». Об этом празднике в переводе говорится как о «Рождестве Христовом» [17, т. 1, с. 140]. Однако из описания видно, что это не рождество, а пасха. Остается загадкой, как такая ошибка не была замечена не только английским издателем, но и русским переводчиком. К тому же этот эпизод в английском переводе сильно сокращен.

Фрагменты, отсутствующие в английском переводе, касаются в основном различных вопросов истории Средней Азии второй половины XIX в. Абдулрахман рассказывает о тех событиях, участником которых он был либо о которых слышал от очевидцев. Среди этих эпизодов — описание Хивинского похода 1873 г., карательной экспедиции царских войск против туркменского племени иомутов и рассказ о волнениях в Ургуте. Этот рассказ изложен с сокращениями в *Сирадж ат-таварих* [22, с. 340]. А. А. Семенов, занимавшийся исследованием *Сирадж ат-таварих*, впервые обратил внимание на то, что «случай этот... не был отмечен в истории русской гражданственности в Туркестане» [14, с. 206] и его описание отсутствует в сочинении Абдулрахмана под названием *Тадж ат-таварих* [14, с. 206]. Сказанное выше затрудняет комментирование описываемых событий. Можно предположить, что волнения, о которых идет речь, были из тех, что вспыхивали в период русско-турецкой войны в Средней Азии в результате антирусской панисламистской пропаганды, которую вели там представители турецкого султана при содействии британских властей [15, с. 341].

Некоторые фрагменты *Панднама* изложены в переводе в значительном сокращении. К ним относится рассказ о восстании в Коканде в 1871—1875 гг., а также описание пребывания Абдулрахмана в русских пределах.

Следует отметить, что в описаниях исторических событий отчетливо прослеживается классовая позиция Абдулрахмана, который осуждал народные восстания в Средней Азии, принимая сторону царских властей.

Если рассматривать сочинение Абдулрахмана только как источник по истории политических событий, то его характеристика будет далеко не полной. Автор *Панднама* рассказал довольно подробно,

хотя и не всегда правдиво, о своих контактах с русскими, привел некоторые сведения о их жизни, которые могли быть интересны афганским читателям с точки зрения истории культуры, поскольку Афганистан в XIX—начале XX в. был «закрытой страной».

Абдуррахман уделил большое внимание описанию правил европейского этикета. При этом он подробно рассказал о действиях окружающих, но умолчал о своем отношении к происходившему. Из русских источников, однако, известно, что Абдуррахман не был простым свидетелем описываемых им приемов и вечеров, а принимал в них самое живое участие. На одном из балов, данных Кауфманом, генерал-губернатором Туркестана, он вопреки предостережениям имама и части свиты принял участие в танцах и танцевал полонез второй парой за генерал-губернатором «с m-lle П-ман, барышней весьма симпатичной наружности и декольтированную» [1, № 3265]. После танца Абдуррахман признался, что он «первый раз в жизни ходил с дамой под руку в таком многолюдном месте» [1, № 3265], и заявил, что «танцы его весьма интересуют» [1, № 3265]. После танцев он с помощью переводчика прислуживал даме во время ужина [1, № 3265].

Абдуррахман не рассказывает об этом в своем сочинении, как он не говорит и о многом другом, что могло скомпрометировать его либо в глазах соотечественников, либо в глазах европейских читателей. Так, Абдуррахман вспоминает, как при первом приезде в Ташкент ему было предложено побывать в Петербурге, где русский император якобы ожидал встречи с ним. Абдуррахман пишет, что он отказался от поездки, так как не получил на нее согласия приближенных [20, с. 90]. Однако в воспоминаниях об Абдуррахмане, опубликованных в русской прессе, сообщалось, что он изъявлял желание поехать в Петербург, но получил отказ генерал-губернатора [1, № 3268]. Стремясь показать себя человеком светским, лишенным религиозных предрассудков, Абдуррахман рассказывает о том, как он охотно согласился сфотографироваться для русского императора, и ругает своих приближенных, у которых «нет и доли разума», за то, что они отказались сняться из опасений стать кафирами [20, с. 90]. Однако русский автор воспоминаний об Абдуррахмане писал, что лишь с большим трудом удалось уговорить его сфотографироваться. Свита же, наоборот, снялась довольно охотно, отказавшись лишь от групповой фотографии [1, № 3264].

Десятилетнее пребывание Абдуррахмана в русских пределах не могло не сказаться на внутреннем облике этого человека. Абдуррахман познакомился с правилами европейского этикета и освоил их. Кроме того, он получил некоторые представления о европейской науке.

В детстве, как пишет сам автор *Панднама*, он не проявлял ни желания, ни способностей к учению и «назавтра забывал все, что выучил сегодня» [20, с. 2]. Читать и писать Абдуррахман научился лишь в юношеском возрасте, да и то, как он считал, с помощью сверхъестественных сил [20, с. 27—28]. Ко времени своего прибытия в Россию, т. е. к 26-летнему возрасту, он мог писать «незавидным

почерком, чрезвычайно мелким, но довольно грамотно» [1, № 3262]. По всей вероятности, «научный багаж» Абдуррахмана заключался в умении читать, писать и производить простейшие арифметические действия. Приехав в Россию, он окунулся в среду, резко отличную от той, в которой пребывал ранее. Многие явления, с которыми он встретился, были ему непонятны, а для их понимания требовались дополнительные знания. Так, будучи свидетелем военных маневров на р. Салар, Абдуррахман наблюдал действие мины [20, с. 89], взорванной на значительном расстоянии с помощью электрической батареи. При этом ему было предложено самому соединить проводник с батареей [1, № 3264]. Абдуррахман был очень удивлен мощным взрывом, происшедшим в результате совершенной несложной операции. Прежде ему не доводилось быть свидетелем подобных «чудес». Видимо, произведенное током действие пробудило в нем большой интерес, так как переводчику Кауфмана было предложено перевести для сардара на персидский язык раздел гимназического учебника по физике Ленца [8], в котором говорилось об электричестве. В этом разделе [8, с. 152—220] излагались основы теории электричества и относящиеся к ней законы (такие, как закон Ома). Теоретическому материалу предшествовало описание ряда физических опытов, что в значительной степени облегчало понимание теории и делало ее доступной для человека, не имевшего ранее знаний по физике. Однако наряду с этим в разделе об электричестве объяснялся и такой материал, для понимания которого учащемуся необходимы были знания геометрии, химии, тригонометрии. Без сомнения, этих знаний у Абдуррахмана не было, поэтому значительная часть материала гимназического учебника вряд ли была им понята. Однако можно предположить, что основы теории электричества Абдуррахман усвоил, а это уже было немало. По-видимому, он был первым из афганских эмиров, получившим элементарные представления об электричестве на уровне европейской науки того времени. Здесь нельзя не согласиться с мнением русского переводчика автобиографии Абдуррахман-хана М. Грулева, который в предисловии к изданию отмечал, что «жизнь Абдуррахмана в пределах России в значительной степени изоширила его ум и расширила его кругозор далеко за те узкие рамки, которые служили уделом прежних эмиров афганских» [2, с. XXIII]. Побывав в России, Абдуррахман понял «необходимость более частого и тесного общения афганцев с остальным миром» [2, с. XXIII]. Вероятно, это наряду с другими факторами повлияло на стремление автора *Панднама* как можно более подробно отразить свою жизнь в русских пределах.

Однако следует отметить, что, понимая необходимость контактов с внешним миром, Абдуррахман в годы своего правления, с одной стороны, вынужден был сохранять изоляцию страны в результате потери внешнеполитического суверенитета [3, с. 39], а с другой стороны, и сам стремился к сохранению изоляции, опасаясь проникновения в страну свежих веяний. В связи с этим он не разрешал выезда из страны с целью обучения за рубежом [9, с. 276—277]. Признавая важность и необходимость внедрения европейских наук для про-

гресса страны, он в то же время запрещал их преподавание, а одобрял и покровительствовал только традиционным мусульманским «старым наукам». При нем процветала в Кабуле религиозная школа (*мадраса-йи шахи*) [22, с. 942], а школа современного типа, основанная Шер Али и разрушенная англичанами во время второй англо-афганской войны, так и не была восстановлена. Все это свидетельствует о противоречиях во взглядах и делах эмира.

Рассматривая *Панднама*, следует отметить, что это сочинение — не только исторический источник, характеризующий внутреннюю обстановку в Афганистане в 60—70-х годах XIX в., внешнеполитическую ситуацию, отдельные вопросы истории сопредельных Афганистану стран. *Панднама* — не только источник информации, но в то же время и интереснейший памятник языка дари конца прошлого века. С этой точки зрения сочинение Абдурахмана ценно потому, что история языка дари до сих пор почти не исследована. Некоторым аспектам исследования современного языка дари посвящены работы Л. Н. Дорофеевой (Киселевой) [5; 6]. Кроме того, как вклад в изучение лексики современного языка дари следует отметить недавно вышедший «Дари-русский словарь» [7].

Лексика *Панднама* отличается большим количеством слов, заимствованных из пушту, таджикского, английского, русского, а также из индийских и тюркских языков. Долголетнее пребывание в России и общение с русскими сказалось на языке автора *Панднама*. В. В. Бартольд указывал, что уже в 1873 г. Абдурахман мог несколько говорить по-русски [4, с. 417]. Знакомство с русским языком отразилось в его сочинении; он употребляет в *Панднама* некоторые русские слова и, заведомо зная, что они не будут понятны читателям, объясняет их значение, а иногда, наоборот, дает русские эквиваленты к известным в дари словам.

Панднама написано довольно простым и ясным языком, почти свободно от «словесной мишуры». Афганский ученый доктор Джавид отмечает, что при чтении сочинения «у читателя складывается мнение, будто пожилой человек, проживший богатую событиями жизнь, рассказывает искренне о своей судьбе» [21, с. 146]. В тексте встречаются образные сравнения, стихотворные отрывки, некоторые поговорки. Доктор Джавид говорит, что сочинение написано «языком, близким к разговорному, бегло и весьма красноречиво. Встречающиеся слабости стиля и ошибки в орфографии не умаляют красоты и привлекательности текста. „Панднама“ — великая сокровищница языка дари и особенно кабульского диалекта столетней давности с точки зрения лексики, обиходных слов, словосочетаний и терминологии» [21, с. 146].

Настоящей статьей делается попытка ввести оригинал сочинения Абдурахман-хана в научный обиход и показать, что источник заслуживает серьезного внимания и исследования как памятник по истории и культуре Афганистана конца XIX в.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуррахман-хан (Из воспоминаний о нем). — «Новое время». СПб., 1885, № 3262—3266, 3268, 3269, 3272, 3275.
2. Автобиография Абдуррахман-хана эмира Афганистана. Пер. с англ. М. Грулев. Т. 1. СПб., 1901.
3. Бабаходжаев М. А. Очерки социально-экономической и политической истории Афганистана (конец XIX в.). Таш., 1975.
4. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. — Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
5. Дорофеева Л. Н. Язык фарси-кабули. М., 1960.
6. Киселева Л. Н. Очерки по лексикологии языка дари. М., 1973.
7. Киселева Л. Н., Миколайчик В. И. Дари-русский словарь. М., 1978.
8. Ленц Э. Руководство к физике, составленное по поручению Министерства народного просвещения для русских гимназий академиком, профессором Э. Ленцем. Изд. 9-е. Ч. 1—2. М., 1870.
9. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 2. М., 1965.
10. Ромодин В. А. «Сирадж ат-таварих» (т. III) как источник. — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». IV годичная сессия ЛО ИВАН. Л., 1968.
11. Ромодин В. А. Источники «Сирадж ат-таварих». — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». V годичная сессия ЛО ИВАН. Л., 1969.
12. Ромодин В. А. «Автобиография» Абдуррахман-хана и ее переводы. — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». VIII годичная научная сессия ЛО ИВАН (аннотации и краткие сообщения). Л., 1972.
13. Ромодин В. А. Тайна сенсационной публикации Султан Мухаммад-хана. — «Страны и народы Востока». Вып. 18. М., 1976.
14. Семенов А. А. [Рец. на:] Святильник истории (سراج التواريخ), история Афганистана, составленная по повелению и при ближайшем участии афганского эмира Хабибуллы-хана. — ИТОРГО. Т. 17. Таш., 1925.
15. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX века). М., 1965.
16. Какар Мухаммад Насан. Afghanistan. A Study in International Political Developments 1880—1896. Kabul, 1971.
17. The Life of Abdur Rahman Amir of Afghanistan. Edited by Sultan Mahomed Khan, Advanced Student of Christ's College, Cambridge, Secretary of State of Afghanistan: Barrister-of-Law. With Portraits, Maps and Illustrations. Vol. 1—2. L., 1900.
18. Wheeler S. The Ameer Abdur Rahman Khan. . . With Portraits and Maps. L., 1895 (Public Men of To-day. An International Series. Ed. by S. H. Jeyes).
19. Абдуррахман. Nesai Namchai Afghani. Кабул, 1303/1886. [Русский перевод извлечений]. — «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским Военным Округом». Вып. 11. № 4. Таш., 1903, с. 2—13.
20. Амир Абдуррахман. Панднама-йи дунйа ва дйн, баб-и аввал — дар вақи'ат-и саргузашт. Кабул, 1304 г. х.
21. Джавид. Саргузашт-и Тадж ат-таварих. — «Адаб». Кабул, 1349/1970, № 5—6.
22. Файз Мухаммад. Сирадж ат-таварих. Т. 2. Кабул, 1913; т. 3, 1915 [—1918].